

**Константин Николаевич
Батюшков**

**Только любовь.
Семицветник**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-1
ББК 84-5

Константин Николаевич Батюшков

Только любовь. Семицветник / Константин Николаевич Батюшков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 78 с.

ISBN 978-5-4241-2246-0

Литературное наследие К.Н.Батюшкова невелико, но его систематически печатавшиеся стихотворения имели большое значение в литературно-общественном движении 10-х годов XIX века. Начиная с 1809 года, когда получила широкое распространение его сатира "Видение на берегах Леты", и кончая 1820 годом, когда вышли его антологические стихотворения, Батюшков, наряду с Жуковским, - самый крупный поэт, во многом определивший дальнейший расцвет русской поэзии. Еще современники оценили плодотворную деятельность поэта по совершенствованию стиха и поэтического языка.

ISBN 978-5-4241-2246-0

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Константин Бальмонт
ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ
СЕМИЦВЕТНИК

Эта книга возникла на берегу Балтийского моря, в Мерреклеоле, в летние дни и ночи 1903 - го года.

Появляется вновь без изменений в тексте.

Да живут созвучья Янтарного моря.

ЦВЕТНЫЕ ТКАНИ

ГИМН СОЛНЦУ

1

Жизни податель,
Светлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сделай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!
Жизни податель,
Бог и Создатель,
Страшный сжигающий Свет!
Дай мне — на пире
Звуком быть в лире,—
Лучшею в Мире
Счастья нет!

2

О, как, должно быть, было это Утро
Единственно в величии своем,
Когда в рубинах, в неге перламутра,
Зажглось ты первым творческим лучом.
Над Хаосом, где каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвет,
Во всем была живая полнотность,
Все было «Да», не возникало «Нет».
В ликующем и пьяном Океане
Тьмы тем очей глубоких ты загло,
И не было нигде для счастья грани,
Любились все, так жадно и светло.
Действительность была равна с мечтою,
И так же близь была светла, как даль.
Чтоб песни трепетали красотою,
Не надо было в них влагать печаль.
Все было многолико и едино,
Все нежило и чаровало взгляд,
Когда из перламутра и рубина
В то Утро ты соткало свой наряд.
Потом, вспоив столетья, миллионы
Горячих, огнецветных, страстных дней,
Ты жизнь вело чрез выси и уклоны,

3

Но в каждый взор вливалось блеск огней.
И много раз лик Мира изменялся,
И много протекло могучих рек,
Но громко голос Солнца раздавался,
И песню крови слышал человек.
«О, дети Солнца, как они прекрасны!»—
Тот возглас перешел из уст в уста.
В те дни лобзания вечно были страстны,
В лице красива каждая черта.
То в Мексике, где в таинствах жестоких
Цвели так страшно красные цветы,—
То в Индии, где в душах светлооких
Сложился блеск ума и красоты,—
То там, где Апис, весь согретый кровью,
Склонив чело, на нем являл звезду,
И, с ним любя бесстрашную любовью,
Лобзались люди в храмах, как в бреду,—
То между снов пластической Эллады,
Где Дионис царил и Аполлон,—
Везде ты лило блеск в людские взгляды,
И разум Мира в Солнце был влюблен.
Как не любить светило золотое,
Надежду запредельную Земли.
О, вечное, высокое, святое,
Созвучью нежных строк моих внемли!

3

Я все в тебе люблю Ты нам даешь цветы,
Гвоздики алые, и губы роз, и маки,
Из безразличья темноты
Выводишь Мир, томившийся во мраке,
К красивой цельности отдельной красоты,
И в слитном Хаосе являются черты,
Во мгле, что пред тобой, вдруг дрогнув, подается,
Встают они и мы, глядят — и я и ты,
Растет, поет, сверкает, и смеется,
Ликует празднично все то,
В чем луч горячей крови бьется,
Что ночью было как ничто.
Без Солнца были бы мы темными рабами,
Вне понимания, что есть лучистый день,
Но самоцветными камнями
Теперь мечты горят, нам зримы свет и тень.
Без Солнца облака — тяжелые, густые,
Недвижно-мрачные, как тягостный утес,
Но только ты взойдешь, — воздушно-золотые,
Они воздушней детских грез,

Нежней, чем мысли молодые.
Ты не взойдешь еще, а Мир уже поет,
Над соснами гудит звенящий ветер Мая,
И влагой синее поишь ты небосвод,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.
И вот твой яркий диск на Небеса взошел,
Превыше вечных гор, горишь ты над богами,
И люди Солнце пьют, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глаз, привыкших видеть дол,
На Солнце лишь глядит орел,
Когда летит над облаками
Но, не глядя на лик, что ослепляет всех,
Мы чувствуем тебя в громах, в немой былинке,—
Когда, желанный нам, услышим звонкий смех,
Когда увидим луч, среди чащи, на тропинке.
Мы чувствуем тебя в реке полночных звезд,
И в глыбах темных туч, разорванных грозой,
Когда меж них горит, манящей полосой,
Воздушный семицветный мост.
Тебя мы чувствуем во всем, в чем блеск алмазный,
В чем свет коралловый, жемчужный иль иной
Без Солнца наша жизнь была б однообразной,
Теперь же мы живем мечтою вечноразной,
Но более всего ласкаешь ты — весной

4

Свежей весной
Все озаряющее,
Нас опьяняющее
Цветом, лучом, новизной,—
Слабые стебли для жизни прямой укрепляющее,—
Ты, пребывающее
С ним, неизвестным, с тобою, любовь, и со мной!
Ты теплое в радостно-грустном Апреле,
Когда на заре
Играют свирели,
Горячее в летней поре,
В палящем Июле,
Родящем зернистый и сочный прилив
В колосьях желтеющих нив,
Что в свете лучей утонули.
Ты жгучее в Африке, свет твой горит
Смертельно, в час полдня, вблизи Пирамид,
И в зыбях песчаных Сахары.
Ты страшное в нашей России лесной,
Когда, воспринявши палящий твой зной,
Рокочут лесные пожары

Ты в отблесках мертвых, в пределах тех стран,
Где белою смертью одет Океан,
Что люди зовут Ледовитым,—
Где стелются версты и версты воды
И вечно звенят и ломаются льды,
Белея под ветром сердитым
В Норвегии бледной — полночное ты,
Сияньем полярным глядишь с высоты,
Горишь в сочетаньях неожиданных.
Ты тусклое там, где возрастают лишь мхи,
Цепляются в тундрах, глядят как грехи,
В краях для тебя нежеланных.
Но Солнцу и в тундрах предельности нет,
Они получают зловеший твой свет,
И, если есть черные страны,
Где люди в бреду и в виденьях весь год,
Там день есть меж днями, когда небосвод
Миг правды дает за обманы,
И тот, кто томился весь год без лучей,
В миг правды богаче избранных дней.

5

Я тебя воспеваю, о, яркое жаркое Солнце,
Но хоть знаю, что я и красиво и нежно пою,
И хоть струны Поэта звончей золотого червонца,
Я не в силах исчерпать всю властность, всю
чару твою.
Если б я родился не Певцом, истомленным тоскою,
Если б был я звенящей блестящей свободной
волной,
Я украсил бы берег жемчужиной искрой морскою —
Но не знал бы я, сколько сокрыто их всех
глубиной.
Если б я родился не стремящимся жадным Поэтом,
Я расцвел бы как ландыш, как белый влюбленный
цветок,
Но не знал бы я, сколько цветов раскрывается летом,
И душистые сны сосчитать я никак бы не мог.
Так, тебя воспевая, о, счастье, о, Солнце святое,
Я лишь частью слышу ликующий жизненный смех,
Все люблю я в тебе, ты во всем и всегда — молодое,
Но сильнее всего то, что в жизни горишь ты —
для всех.

6

Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска,
Воспевшего тебя, как я пою,

Ласкаешь тем же светом василиска,
Лелеешь нежных птичек и змею.
Меняешь бесконечно сочетанья
Людей, зверей, планет, ночей, и дней,
И нас ведешь дорогами страданья,
Но нас ведешь к Бессмертию Огней.
Люблю, что тот же самый свет могучий,
Что нас ведет к немеркнущему Дню,
Струить дожди, порвавши сумрак тучи,
И приобщает нежных дев к огню.
Но, если, озаряя и целуя,
Касаешься ты мыслей, губ, и плеч,
В тебе всего сильнее то люблю я,
Что можешь ты своим сияньем — сжечь.
Ты явственно на стоны отвечаешь,
Что выбор есть меж сумраком и днем,
И ты невесту с пламенем венчаешь,
Когда в душе горишь своим огнем.
В тот яркий день, когда владыки Рима
В последний раз вступили в Карфаген,
Они на пире пламени и дыма
Разрушили оплот высоких стен,
Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекор победному врагу,
Взглянув на Солнце, про себя сказала
«Еще теперь я победить могу!»
И, окружив себя людьми, конями,
Как на престол взошедши на костер,
Она слилась с блестящими огнями,
И был триумф — несбывшийся позор.
И вспыхнуло не то же ли сиянье
Для двух, чья страсть была сильней, чем Мир,
В любовниках, чьи жаркие лобзанья
Через века почувствовал Шекспир.
Пленительна, как солнечная сила,
Та Клеопатра, с пламенем в крови,
Пленителен, пред этой Змейкой Нила,
Антоний, сжегший ум в огне любви.
Полубогам великого Заката
Ты вспыхнуло в веках пурпурным днем,
Как нам теперь, закатностью богато,
Сияешь алым красочным огнем.
Ты их сожгло Но в светлой мгле забвенья
Земле сказала «Снова жизнь готовь!»—
Над их могилой легкий звон мгновенья,
Пылают маки, красные, как кровь.
И как в великой грезе Македонца

Царил над всей Землею ум один,
Так ты одно царишь над Миром, Солнце,
О, мировой закатный наш рубин!
И в этот час, когда я в нежном звоне
Слагаю песнь высокому Царю,
Ты жжешь костры в глубоком небосклоне,
И я светло, сжигая жизнь, горю!

7

О, Мироздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты в полногласной
Сказке прекрасной
Сделало страстной
Душу мою!
Жизни податель,
Бог и Создатель,
Мудро сжигающий — Свет!
Рад я на пире
Звуком быть в лире,—
Лучшего в Мире
Счастья нет!

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Свои мозг пронзил я солнечным лучом.
Гляжу на Мир Не помню ни о чем.
Я вижу свет, и цветовой туман.
Мой дух влюблен. Он упоен. Он пьян.
Как луч горит на пальцах у меня!
Как сладко мне присутствие огня!
Смешалось все. Людское я забыл.
Я в мировом. Я в центре вечных сил.
Как радостно быть жарким и сверкать!
Как весело мгновения сжигать!
Со светлыми я светом говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

СИГУРД

Когда Сигурд отведал крови
Убитого Фафнира,
Весь Мир ему открылся вновь,
Узнал он утро Мира
Он увидал рожденье грома,
Проник в язык он птиц,
И все, что было так знакомо,

Оделось в блеск зарниц.
Певец, что был лицом прекрасен,
И был в словах разумен,
Узнал, как смысл явлений ясен,
Как хор их многошумен.
Он был избранником для пира,
Прочь то, что нас гневит,
Он звал соперником Фэфнира,
Соперник был убит.
Сигурд, Сигурд, ты был властитель,
Возлюбленный Судьбою,
Да будет славен победитель,
Ты взял добычу с бою.
Сигурд, Сигурд, ты звался Чудом,
Ты смело в Мире шел,
Ты видел Землю изумрудом,
И пел тебе орел.
«Возьми», он пел напевом властным,
«Запястья золотые,
В них день горит, с отливом красным,
В них звезды молодые.
Налей свой кубок, в блеске пира,
Забудь, что было встарь,
Тебе открыто утро Мира,
И ты в том Мире—Царь».

ЧТО МНЕ НРАВИТСЯ

Что мне больше нравится в безднах мировых,
И кого отметил я между всех живых?
Альбатроса, коршуна, тигра, и коня,
Жаворонка, бабочку, и цветы огня.
Альбатрос мне нравится тем, что он крылат,
Тем, что он врезается в розовой раскат
В коршуне мне нравится то, что он могуч,
И, как камень, падает из высоких туч.
В тигре то, что с яростью мягкость сочетал,
И не знал раскаянья, Бога не видал.
И в других желанно мне то, что — их вполне,
Нравятся отдельностью все созданья мне
Жаворонок — пением, быстротою — конь,
Бабочка — воздушностью, красотой — огонь.
Да, огонь красивее всех иных живых,
В искрах — ликование духов мировых.
И крылат и властен он, в быстроте могуч,
И поет дождями он из громовых туч.
По земле он ластится, жаждет высоты,
В красные слагается страстные цветы.

Да, огонь красивее между всех живых,
В искрах ликование духов мировых.
В пламени ликующем — самый яркий цвет.
В жизни — смерть, и в смерти — жизнь Всем живым —
привет!

МОИ ЗВЕРИ

Мой зверь — не лев, избалованный толпою,
Мне кажется, что он лишь крупный пес.
Нет, желтый тигр, с бесшумною стопою
Во мне рождает больше странных грез.
И символ Вакха, — быстрый, сладострастный,
Как бы из стали, меткий леопард,
Он весь как гений вымысла прекрасный,
Отец легенд, зверь-бог, колдун и бард.
Еще люблю я черную пантеру,
Когда она глядит перед собой
В какую-то внежизненную сферу,
Как страшный Сфинкс в пустыне голубой.
Но, если от Азийских, Африканских
Святых пустынь мечту я оторву,
Средь наших дней, и плоских, и мешанских,
Моей желанной — кошку назову.
Она в себе, в изящной миньютюре,
Соединила этих трех зверей.
Есть искры у нее в лоснистой шкуре,
У ней в крови — бродячий хмель страстей
Она проходит в комнатах бесшумно,
Всегда свою преследуя мечту,
Влюбляется внезапно и безумно,
И любит ведьм и любит темноту.
В ее зрачках непознанная чара,
В них фосфор и круги нездешних сфер,
Она пленила страшного Эдгара,
Ей был пленен трагический Бодлер.
Два гения, влюбленные в мечтанья,
Мои два брата в бездне мировой,
Где нам даны безмерные страданья
И беспредельность музыки живой.

ЖАР-ПТИЦА

То, что люди называли по наивности любовью,
То, чего они искали, мир не раз окрасив кровью,
Эту чудную Жар-Птицу я в руках своих держу,
Как поймал ее, я знаю, но другим не расскажу.
Что другие, что мне люди! Пусть они идут